

ЗАГАДОЧНАЯ НЕУСТРАНИМОСТЬ ИДЕОЛОГИИ

Генрих Григорян*

Миром правят слова и идеи, а не люди и законы.

Конфуций

Об идеологии как спасительной соломинке в последние годы не рассуждают только ленивые. Национальную идеологию связывают с компасом, которым должны быть вооружены капитаны армянского государственного корабля, плывущего в никому не известном направлении, с преодолением всем известных трудностей – плачевного уровня зарплат и пенсий, распространенного невежества и низкого профессионализма кадров, агрессивной моды на бездуховность, «ползучего» материализма и возрастающего господства культа потребления. При этом, как правило, не уточняют, кем и как новая идеология будет создана и, если будет создана, то должна ли быть единой и обязательной для всех, как некий катехизис, из которого на все случаи будут выдаваться готовые рецепты, правила и рекомендации. Если так, то как будут поступать с несогласными, будут ли инакомыслящие преследоваться, исчезнет ли коррупция, социальная несправедливость, куда денется опасная смычка власти с бизнесом и олигархами – базисная причина всех несчастий армянского общества? Хотя во всех этих и подобных вопросах представления об идеологии остаются туманными, расплывчатыми и совершенно неопределенными, связанные с ней надежды и ожидания напоминают пьесу С.Бэккета «В ожидании Годо». Всякий раз, когда возникают жизненные трудности, на сцене произносят одну ту же фразу: «Мы ждем Годо». Пьеса заканчивается, а неизвестный Годо, которого с нетерпением ожидают герои и зрители, так ни разу и не появляется. Из этого сравнения вытекает сразу два естественных вывода: а) что создать единую национальную идеологию невозможно; б) что в демократических обществах она не нужна, так как исключение возможности инакомыслия и плюрализма мнений противоречат самой ее сущности. Хотя оба эти вывода имеют весьма солидных защитни-

---

* Кандидат философских наук, профессор, председатель правления лингвистического университета «Интерлингва».

ков, я думаю, что оба они ошибочны.

Со времен Наполеона, который не очень жаловал идеологов, возникла ошибочная традиция приписывать идеологии претензию на познание социальной действительности. Вскоре лучшие умы выяснили, что в идеологии групповые интересы и ценности важнее истины, что целью идеологии является вовсе не достижение *знания*, а *оправдание социального порядка* с точки зрения уже сложившихся наличных отношений, когда одна часть господствует, а большая – подчиняется. От рабовладельческого общества вплоть до «дикого» и «грабительского» (домарксистского) или современного – «социально ориентированного» – капитализма увековечение и освящение сложившихся отношений неравенства невозможно с помощью одного лишь «монопольного права государства на применение насилия» (Макс Вебер). Здесь господствующей власти как воздух требуется некоторая форма теоретической легитимации, т.е. некоторого особого типа убеждающего знания. Но там, где истина заранее подчинена интересам, она либо «подгоняется» под интересы, либо оказывается «вне игры». Поскольку ясно, что идеология социально ангажированна, и не может быть другой, то из критики теории господствующей идеологии как «искаженного интересами» особого типа убеждающего знания возникло определение идеологии как ложного сознания. Маркс был первым, кто сделал это открытие. После Маркса его менее талантливые последователи стали относить систему социалистических идей к разряду «научной» идеологии, «забыв» отрезвляющее понятие «ложного сознания». Теория Маркса «всесильна, потому что она верна», – писал В.Ленин, пытаясь блокировать неприятный для всякой идеологии вывод учителя о «ложном сознании». Поскольку Маркс был уже на том свете, то ему оставалось лишь перевернуться в гробу, причем дважды, когда его учение «творчески развили», а на самом деле существенно исказили допущением в том центральном пункте, что якобы на высшей стадии империализма новая и более прогрессивная социалистическая формация может по сумме технологий и общему уровню развития производительных сил отставать от предыдущей. Тем самым уже изначально была заложена теоретическая мина под фундамент социализма, вечно догоняющего, но так и не догнавшего капитализм вплоть до своей окончательной гибели. Гордость мировой философии И.Кант в аналогичной ситуации как-то сказал: «Господи, спаси меня от друзей моих, а с врагами я и сам как-нибудь справлюсь». Однако, несмотря ни на что, и «ложное сознание», как мы увидим ниже, совершенно ошибочно понимать как лживое или объективно не существующее. И оно в качестве идеологии также может быть всесильным.

Главный наш аргумент против негативных подходов заключается в том, что идеологии, при всем нашем желании, неустранимы из социальной жизни. Эта загадочная неустранимость идеологии будет рассмотрена с различных по-

зиций. Начнем с того, что идеологии вместе с мифами и религиями образуют идеосферу (термин М.Бахтина) – необходимую составляющую социальной реальности и условие ее организации на всех этапах человеческого существования, хотя сам термин «идеология» впервые был применен современником Наполеона графом Дестютом де Траси лишь в 1796г.

Негативные подходы к идеологии возникают из-за узкого ее понимания как знания, описывающего социальную реальность, и плохо понятой теории Дэниела Белла – выдающегося американского социолога, автора теории конвергенции и постиндустриального общества. В самом начале 60-ых годов прошлого века, в разгар Холодной войны Белл издал сенсационную статью «Конец идеологии?», а затем и одноименную книгу, откуда отсчитывает начало «постидеологическая эпоха» [1]. Советская пропаганда не жалела усилий по критике этой теории, а американские интеллектуалы в 60-70-ые гг. прошлого столетия восприняли идеи этой книги чересчур буквально, забывая, что в конце названия стоит вопросительный знак, а не точка. Кроме того, сам Белл вернулся к проблеме и пересмотрел свой подход. В более поздней работе «Культурные противоречия позднего капитализма» [2] Белл показывает, что в любом обществе, в том числе и постиндустриальном, идеология – необходимый элемент организации социального порядка. Другое дело, что она может принимать самые неожиданные и разнообразие формы, явные или скрытые, а не только хорошо знакомые нам по уходящей индустриальной эпохе и тоталитарному прошлому. Принципиальная неустрашимость идеологии вытекает не из чьих-то субъективных пожеланий, а из самой природы общества, объективных потребностей его самоорганизации, направленной на ограничение энтропии, предотвращении постоянных угроз хаоса, защиты и укрепления жизнестойкости социального порядка.

На самых ранних этапах человеческой истории функцию идеологических смотрителей выполняли хранители традиций – племенные колдуны, целители, шаманы и т.п. Рядом с египетскими фараонами обществом управляли жрецы как носители особых «тайных знаний», затем функцию идеологии брали на себя мировые религии, рядом с царем Трдатом стоял Григорий Просветитель, с европейскими королями – духовные лидеры, часто «серые кардиналы» типа Сованаролы или Ришелье, с началом эпохи секуляризации рядом с Гитлером, Сталиным, Аденауэром или Брежневым мы видим Геббельса, Жданова, Эрхарда или Суслова, у американских президентов в разное время эту функцию идеологов по-разному – формально или неформально – выполняли А.Даллес, З.Бжезинский, Г.Киссинджер, С.Хантингтон, Э.Тоффлер, Ф.Фукуяма, сотни исследовательских «мозговых» центров. Из 44 американских президентов более половины, как, впрочем, и все отцы-основатели США, за исключением, возможно, То-

маса Джефферсона, состояли в эзотерических обществах и управляли страной на основе специальных знаний и «со знанием дела». В наше время, которое диагностируют как эпоху постмодерна (в других терминах – постиндустриальной или информационной цивилизации) эту функцию продолжают влиятельные философы, социологи, психологи, писатели, журналисты, имиджмейкеры, политтехнологи, специалисты по PR-коммуникациям и прочие производители информации – современные «властители умов». Если помнить, что мы говорим пока о национальной, а не политической идеологии, то ее вовсе не надо «сочинять» или «придумывать» в кабинетах. И не потому, что это невозможно в принципе, а потому, что она уже существует в совокупном опыте социальной идеосферы, которая вырабатывается, накапливается и сохраняется народом в течение тысячелетий непрерывно аккумулированного социального опыта. Как неизбежное условие самоорганизации общественной жизни национальная идеология должна выполнять свою основную функцию – снабжать общество системой базисных ценностей и смыслов, ориентирующих модели понимания и стандартов поведения.

Чтобы выполнить эти функции, общество создает собственный символический порядок, где главенствующая роль принадлежит языку, делающему возможным все прочие общественные отношения – экономические, политические, юридические и т.д. Символический порядок создает и сохраняет идеосферу в качестве необходимого условия самой возможности существования общества, причем не в меньшей степени, чем удовлетворение естественных потребностей в еде, одежде, жилище. Особенностью символического порядка, организующего социальный порядок, является то, что благодаря нему преодолевается дуализм «внешнего» материализованного и «внутреннего» психологического (субъективного) опыта. Уже первобытный дикарь, надевающий фиговую повязку, действует как человек культуры, поскольку одевает ее не для конкретного, а возможного, стало быть генерализованного Другого. Это доказывает, что социальный порядок у человека, в отличие от слабо или сложно структурированных социальных порядков у волков, муравьев или пчел, с самого начала символически опосредствован, так как фиговая повязка из естественного продукта природы превратилась в символический значащий артефакт, т.е. в факт культуры, опосредующий все формы коммуникации в специфически человеческом проявлении социальности. Идеальные значения материальных знаков или символов становятся такой же объективно существующей частью социальной реальности, как улицы, здания и другие объекты материальной культуры. Семья и школа – первые идеологические институты, которые воспитывают и формируют сознание и модели поведения подрастающего поколения. Без них, без применяемых

при социализации механизмов принуждения и воздействия общество было бы невозможно. Когда мать поет песенки младенцу, рассказывает сказки и учит, что хорошо и что плохо, то именно благодаря символическому порядку она вычерпывает и транслирует социальный опыт новому поколению. Из резервуара национальной идеосферы она использует готовые формы и образцы и воздействует ими на сознание ребенка с целью социализации. Сказки и другие назидательно-обучающие истории всегда способствуют укреплению установленного порядка. Их содержание, как правило, утверждает базисную ценность: нарушение сложившихся в обществе правил повлечет за собой неотвратимое наказание. Указание на важность существующего порядка (*vers.* социального и космического хаоса) всегда присутствует в таких повествованиях как ключевая идеологема.

Каждая культура в разные эпохи имела свои представления относительно того, как осуществлять социализацию. Но социализация – при самой либеральной идеологии воспитания, при всей нашей любви к детям – это всегда воздействие, насилие и если не физическое наказание, то всегда символическое принуждение, благодаря которому биологические существа очеловечиваются, и только поэтому наши дети не становятся Маугли. Но если человечество выработало механизм социализации как необходимое условие собственного выживания, самоорганизации, воспроизводства и развития, то что мешает распространить это понимание естественной необходимости символического воздействия и принуждения с детей на взрослых?

«Человек, – утверждает Ортега-и-Гассет, – столь же мыслящее существо, как и избегающее мышления. Поскольку подавляющее большинство не имеет способности к самостоятельному теоретическому распознаванию сущности вещей, а принимать более или менее разумные решения для совершения практических действий необходимо постоянно, то убеждения и мнения необходимы взрослым не в меньшей степени, чем неразумным детям. Поэтому эти убеждения и мнения «следует впрыскивать в людей под давлением извне как смазочное масло в машину» [3, с. 690]. «В интеллектуальном отношении человек обыкновенно пользуется кредитом общества, в котором живет, и этот интеллектуальный кредит для него никогда не составлял проблемы. А значит, человек – общественный автомат. Только в том или ином частном вопросе мы иногда берем на себя труд проверить счета, подвергнуть критике воспринятую идею...» [3, с. 690].

Базисная система идеосферы всякой этнической культуры изначально формируется допонятийным и внерациональным способом. Этим национальная идеология отличается от классических политических идеологий поздней индустриальной эпохи модерна, претендующих на рациональность, системность и наукообразность. Национальная идеология не может иметь одного ав-

тора, так как уже живет и опредмечена в легендах, мифах и анекдотах, в архетипических символах, загадочном и величественном «Давиде Сасунском», скрытые значения и перфомативные смыслы которого до конца не поддаются рациональной реконструкции. Здесь всегда можно обнаружить идеологические предписания различных моделей правильного поведения и альтернативных парадигм жизненного выбора – «пути Героя» или «пути Лавочника», «Вардана или Васака», адаптации, приспособления или, напротив, борьбы, постоянных столкновений добра и зла, жизни и смерти, счастья и страдания, мировой печали, пессимизма, цинизма, безнадежности, уныния или, напротив, оптимизма, надежды, сопротивления, борьбы и т.д. Текстуально не связанная единым непрерывным повествованием, эта исторически аккумулируемая и фрагментарная масса символических, образных или графических идеологем, общественных идеалов образует объективно существующую в обществе идеосферу. Идеосферу свято хранит и постоянно обогащает каждое новое поколение. Ее фрагментарный и дисперсионный характер функционирования не поддается целостному и системному описанию, она имеет много уровней – допонятийных, образно-символических, архетипических, мифологически-иррациональных, рациональных и вполне рефлексивных – и подобна океану, из глубин которого невозможно вычерпать всю воду. Здесь можно найти все базисные идеалы, ценности и идеологические универсалии будущих классических политических идеологий – свободы, равенства, социальной справедливости, верности традициям, прогресса, солидарности, различных идеологий жизни.

Вышеприведенные рассуждения пока лишь акцентируют естественную укорененность и сетевую фрагментарность национальной идеологии как культурно-исторической матрицы общества с ее гетерогенным и многоуровневым содержанием. Вместе с этим нельзя не отметить и крупномасштабные идеологические проекты системного реформирования армянского общества. К таким идеологическим проектам относится принятие христианства в качестве государственной религии в 301г. Этот вопрос требует специального обсуждения, так как многим до сих пор все еще кажется, что приоритетной целью реформы было развитие христианства, а не укрепление армянской государственности.

Когда армянский царь Трдат в 301г. впервые в мире принял христианство в качестве государственной религии, то он руководствовался прежде всего политико-управленческими, а не собственно конфессиональными интересами. Трдат Великий был политическим, а не религиозным деятелем. Для укрепления армянского общества, усиления централизованной власти и создания более устойчивого и стабильного социального порядка нужна была новая культурно-идеологическая матрица, которой не соответствовала старая языческая мифоло-

гия с ее политеизмом, отсутствием запретов на инцест и многими другими ценностно-ориентирующими особенностями. Христианский монотеизм укреплял централизованную власть в ее борьбе против политической раздробленности армянского общества и внешних врагов. Новая система морально-правовой регламентации, нормирующая образ жизни и социальное поведение в соответствии с христианскими ценностями, выполняла функцию новой политической идеологии. Кстати, и сам способ, каким внедрялась христианская религия в сопротивляющуюся языческую Армению, если верить нашему историку Мовсесу Хоренаци, отнюдь не носил, мягко говоря, мирный и ненасильственный характер. Христианство для того исторического времени было не просто новым, но революционным переворотом в сфере традиционных представлений, убеждений. Макс Вебер в открытом им новом направлении – «социологии религии» – блистательно доказывает эту функцию мировых религий в укреплении социального порядка и в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма (1905)» утверждает, что развитие капитализма в Европе во многом обязано идеологическим особенностям протестантской этики. Христианство предполагало радикальную модернизацию социального порядка, переоценки всей системы старых ценностей, а потому наивно предполагать, что массовое языческое сознание в Армении того времени могло с легкостью отказаться от своих прежних богов, устоявшейся картины мироздания и с распростертыми объятиями принять христианство как новую революционную идеологию без всякого сопротивления. Нет никаких оснований не доверять Мовсесу Хоренаци. Но возникает вопрос: зачем столь миролюбивую и ненасильственную религию, как христианство, утверждать жесткими и насильственными мерами? Разве это не доказывает приоритет политико-управленческих, а не конфессиональных задач, стоящих перед Трдатом?. Разве христианство в предыдущие 300 лет нуждалось в насильственном внедрении, или оно распространялось свободно, от человека к человеку, от «сердца к сердцу», без всякого принуждения и насилия? Государственная институционализация христианства в Армении в 301г. – величайшее достижение с точки зрения политических технологий управления и цивилизационного развития человечества. Она убедительно доказывает, что Армения в то время была одной из передовых стран мира. После нее институционализацию христианства осуществили Византия, Рим, страны Европы. Конечно, христианство получило мощный дополнительный импульс для дальнейшего развития и распространения в Европе и во всем мире, но это было побочным следствием, а не главной целью великой реформы царя Трдата. Для самой Армении ее очевидным позитивным результатом стал следующий для нее Золотой век. Не будь этой реформы Трдата, Золотой век был бы невозможен. Подводя итоги, трудно избежать

впечатления, что в далеком 301г. царь Трдат гораздо глубже понял политическую роль идеологии в развитии и укреплении армянской государственности, чем некоторые высокопоставленные армянские чиновники в конце XX века.

Для понимания идеологии важно отличать обыденное знание от научного. В классической философской теории познания научное знание это «доказанное истинное утверждение». Однако в повседневной практике люди руководствуются не научными, а обыденными знаниями, необходимыми как руководство к действиям, а то, насколько они «истинны», выясняют узкие специалисты. Конечно, всегда происходит филиация идей из обыденного знания в теоретическое и обратно. Идеология занимает промежуточное положение между научным и обыденным знанием, как показывает «социология знания» – относительно новое направление, исследующее обыденное знание в практиках повседневного поведения и «конструирования» людьми социальной реальности. Один из основоположников социологии знания К.Маннгейм в книге «Идеология и утопия» [4] уточнил подход Маркса, предпочитая говорить об идеологии как «иллюзорном сознании» – органической составляющей социальной идеосферы. Однако наиболее интересное и глубокое развитие тема идеологии получила у словенского философа С.Жижека – одного из самых крупных и признанных мыслителей современности.

Если ограничиться старым пониманием идеологии, относящим идеологические иллюзии исключительно к сфере «знания», то, как пишет Жижек, современное общество действительно выглядит как постидеологическое. В нем преобладает идеология цинизма; люди больше не верят в идеологические «истины»; они не воспринимают идеологические утверждения всерьез [5, с. 40]. «Однако фундаментальный уровень идеологии – это не тот уровень, на котором действительное положение вещей предстает в иллюзорном виде, а уровень (бессознательного) фантазма, структурирующего саму социальную действительность. А на этом уровне наше общество вовсе не является постидеологическим» [5, с. 40]. «Циничная отстраненность – лишь один из многих способов закрывать глаза на упорядочивающую силу идеологического фантазма: даже если мы ни к чему не относимся серьезно, даже если мы соблюдаем ироническую дистанцию – *все равно мы находимся под властью этого фантазма* [5, с. 35]. Согласно С.Жижеку, «идеология – это не просто «ложное сознание», иллюзорная репрезентация действительности, скорее идеология есть сама эта действительность, которая уже должна пониматься как «идеологическая»: «идеологической» является социальная действительность, само существование которой предполагает не-знание со стороны субъектов этой действительности. Не-знание, которое является сущностным для этой действительности. «Идеологическое» не

есть «ложное сознание» (социального) бытия, но само это бытие – в той мере, в какой это бытие имеет основание в «ложном сознании» [5, с. 28].

Таким образом, человек еще до рождения и изначально вынужден иметь дело с идеологизированной действительностью, которую он застает как данность, созданную прошлыми поколениями – со всеми ее мифами, иллюзиями, фантазиями, господствующими ценностями, идеями и идеалами, которые он вынужден принять и руководствоваться в своей повседневной жизни. Однако не только социальная действительность сама по себе идеологична. Всякий человек, независимо от того, хочет он того или нет, всегда руководствуется какой-то идеологией, и даже независимо от того, насколько осознает это, он все равно действует идеологически, хотя и не сознает этого, – чаще наивно и бессознательно, подобно мольеровскому Журдену, который сильно удивился, когда узнал, что он обычно всегда говорил прозой.. Поскольку нет человека, который не имел бы никаких, даже самых элементарных представлений об обществе, о счастье, справедливости, о прогрессе и т.д., а стало быть, элементарной идеологии, то самая плохая идеология, как правило, это та, которая отрицает идеологию и возможность специально рассматривать эти идеологические представления наивного (неотрефлексированного) сознания. Снова предоставим слово Жижеку: «Самым простым определением идеологии является, возможно, известное изречение из «Капитала» Маркса: *«Sie wissen das nicht, aber sie tun es»* – «Они не сознают этого, но они это делают». Сама суть идеологии предполагает своего рода исходную, определяющую *naïveté* превратное понимание собственных предпосылок, своих действительных условий, дистанцию, разрыв между так называемой социальной действительностью и нашим искаженным представлением о ней, нашим осознанием ее. Вот почему подобное «наивное сознание» и может быть подвергнуто процедуре критики идеологии. Цель этой процедуры – привести наивное идеологическое сознание к точке, в которой оно способно распознать свои действительные условия – искаженную им действительность – и именно этим действием разрушить его. Для более же тонкой критики идеологии – развиваемой, к примеру, в рамках франкфуртской школы – вопрос состоит уже не в том, чтобы увидеть вещи (то есть социальную действительность) так «как они существуют на самом деле», без кривого зеркала идеологии, а в том, чтобы **понять, почему действительность как таковая не может существовать без «идеологической мистификации». Маска не просто скрывает действительное положение вещей – идеологическое искажение вписано в самую его суть»** (подчеркнуто нами – Г.Г.) [5, с. 34].

Вышеприведенные рассуждения Жижека представляют достаточно сильный онтологический аргумент о радикальной неустранимости идеологии, поскольку она в качестве символически искажающей маски становится органиче-

ски неотъемлемой частью самой социальной реальности – такой частью, без которой социальная реальность немыслима на любом историческом этапе своего существования.

Однако эту радикальную неустрашимость идеологии можно обосновать и с других, не менее убедительных позиций. Общество – это всегда коммуникация, основанная на определенном символическом порядке. От первобытных племен до современных постиндустриальных обществ всякая коммуникация означает информационное воздействие. Не имеет значения, ограничено ли это воздействие исключительно устной формой коммуникации, которое характерно для ранних первобытных обществ или это масс-медиа в современных постиндустриальных обществах [7]. Если всякая коммуникация – информационное воздействие, то разница между естественным и преднамеренным информационным воздействием сразу выводит нас на новое измерение в понимании идеологии. Когда обращается внимание на то, что слова способны воздействовать на людей в зависимости от того, насколько умело их употребили, то сразу же возникает представление о магической власти слов. В Древней Греции возник показательный спор между Сократом и софистами. Софисты развивали технологии убеждающей коммуникации и были известны как мастера риторики, к которым приезжали с разных стран учиться искусству управления публичной речью в целях эффективного убеждения. Софисты верили в приоритет практического интереса над теоретическим знанием и поэтому подчиняли логику интересам риторики. Сократ, напротив, считал, что аморально убеждать людей в чем угодно и как угодно, даже если софисты и доводили эти техники убеждающей коммуникации до искусства, приносящего очевидные практические выгоды. Этот спор можно считать классическим прототипом современных дискуссий между сторонниками манипулятивных и гуманитарных технологий в современных теориях пропаганды. Вряд ли можно без сомнений утверждать, что Сократ и его великий ученик Платон одержали в этом историческом споре однозначную победу над софистами. Дело в том, что Сократ придерживался «ценностного» или нормативного аргумента, он доказывал, какой *должна быть* убеждающая коммуникация в соответствии с нормами морали и истины, в то время как софисты исходили из того, какой она *фактически является* в повседневных практиках, когда мораль и истина чаще всего оказываются «вне игры».

Семиотика, структурная лингвистика, философская семантика и культурная антропология с разных аспектов показывают, что в идеологиях и мифах механизмы смыслопорождения практически одинаковы. Однако, в отличие от идеологий, мифы не боятся нереальности собственных объектов символической репрезентации, они не «притворяются», и не стараются выглядеть науко-

образным. Например, кентавров как объектов репрезентации в мире не существует. Но древнегреческое сознание создает миф о кентавре для отображения двойственной природы человека в единстве духовного и телесного, биологического и социального, психического и физиологического, полуживотного и получеловека. Не только кентавры, но и двойственная сущность человека непосредственно не «видны» на феноменологической поверхности бытия. Можно написать тысячи научных диссертаций об этой двойственной природе человека, которые древний грек суггестивно выразил в одной точной фантазии образа, вскрывая природу человека не только с точки зрения его видимого существования, но и невидимой сущности. В данном конкретном случае – в совпадающем тождестве существования и сущности. Поэтому, хотя миф о кентавре и кажется профанному сознанию чистой фантазией, на самом деле он точно обозначает двойственность, «кентаврийность» сущности человека. В таком понимании миф становится «более реальным», чем сама реальность. Лишь поверхностное сознание в мифах видит только миф и не в состоянии понять, каким образом «фантастическое» в мифе в состоянии за тысячи лет описать причины разрушения многих вавилонских башен, в том числе и вавилонской башни строителей коммунизма. Это происходит благодаря «плавающему означаемому» в мифе, рожденному в некоторой локализованной точке пространства и времени, но способному приобретать внелокационные способности описывать смысл будущих и даже еще не существующих событий. По своей природе система обозначаемых мифа, как и любого знака или символа, воздействует на все этажи нашей психики, особенно на воображение, эмоции, чувства, проникая во все сферы подсознания. Согласно французскому структуралисту Ролану Барту, миф одновременно обозначает, внушает, предписывает, носит побудительный к действиям характер, – и здесь миф функционально совпадает с идеологией [10, с. 85]. Со своей стороны, идеологии, какими бы они ни казались «научнообразными» по форме, никак не могут обойтись без мифов как своей материнской субстанции. В идеологии национал-социализма, например, широко использовались мифы о высшей расе арийцев, рожденных для мирового господства. В строго атеистическом советском обществе господствующая идеология имела своих святых, культовых идолов, символы веры, механизмы сакрализации власти и подавления сопротивления «не-верующих». Это была «трансформированная форма» гражданской религии, которая использовала в индустриально-технологическую эпоху все методы древних религий, магию и мифы. Однажды в беседе за чашкой чая Сталин слегка обиделся на своего старого грузинского друга, когда тот начал обращение к нему с официального «Товарищ Сталин ...». «Какой я для тебя товарищ Сталин, Сталин это не я, Сталин это он», – сказал вождь, указывая

пальцем на висевший в комнате собственный портрет. Этот биографический случай – свидетельство глубокого понимания дуализма профанного и сакрального, магии вождества и политики сакрализации культа как условия политической консолидации и эффективной технологии политического управления. В политической антропологии сакрализация образа вождя – важнейшее условие легитимации власти, политического управления и цементирование социальной солидарности во всех древних догосударственных обществах. Когда первобытный дикарь поклонялся каменному идолу, то вопрос здесь не в том, насколько реален денотат – «обозначающее» идола, а в том, чтобы идол выполнял символическую функцию культурно-идентификационного критерия, консолидирующего и укрепляющего племенную общность как единую целостность. Трансформация социальных функций первобытных каменных идолов в мифы о «культе вождей» в советское время подгонялись под конкретное поведение генсеков. Обычно пустые советские магазины каким-то чудом обильно наполнялись товарами накануне их ожидаемого появления, в диссертациях надо было цитировать высказывания вождей, самые прекрасные работы проваливались или отправлялись на доработку только потому, что на первой странице не стояла фамилия действующего вождя, не имеющего никакого отношения к теме исследования. С точки зрения политической антропологии, это – та же самая идеологическая функция «поклонения идолам» в XXв. Во время исторического визита Н.Хрущева в Армению в начале 60-ых очевидцы рассказывают анекдотический случай, когда Хрущев закинул удочку на озере Севан, а прячущийся водолаз тут же насадил на крюк генсека огромную форель. Этот случай строго соответствует мифотворческому правилу: вождь – это культовый герой, который ни при каких обстоятельствах не может выглядеть неудачником. Неизвестно, какие политические последствия ожидали бы Армению, если бы произошла демифологизация образа, т.е. если бы генсек Хрущев «на самом деле» «реально» просидел бы с удочкой на Севане, так ничего и не поймав. Этот случай подтверждает вышеуказанный подход к идеологической функции мифа, когда миф оказывается более реальным, чем сама реальность.

«Трезвое реалистическое сознание» склонно относить фантазии и реальность по разные стороны бытия, дуалистически противопоставляя их друг другу. Жижек показывает иллюзорность подобного «наивного реализма» в рецензии на самый кассовый кинофильм последнего времени – «Аватар» Дж.Кэмерона: «То, что Жак Лакан называет *«la traversee du fantasme»* [переход фантазии], не имеет ничего общего с уходом от иллюзий и приятием реальности такой, как она есть. Вот почему, видя то, как человек отказывается от иллюзий и героически принимает реальность во всей ее неприглядности, мы должны сосредоточиться

на распознавании действительных минимальных фантазмических контуров этой реальности. **Если мы в самом деле хотим изменить нашу социальную реальность или выйти из нее, первым делом нужно изменить наши фантазии, которые помогают нам вписываться в эту реальность** (подчеркнуто нами – Г.Г.). Поскольку герой «Аватара» этого не делает, его субъективная позиция сводится к тому, что Лакан, вслед за де Садом, называет *«le dupe de son fantasme»* [обман воображения]» [6]. От себя добавим, что задолго до Лакана Шопенгауер называл это «обманом представлений», потому что реальность такова, какой мы ее представляем (или воображаем, по Лакану), вопрос же, какова реальность «на самом деле» – это докантовский, т.е. неправильно поставленный вопрос. Любой возможный ответ здесь будет означать всего лишь *другое* представление.

Сопоставляя механизмы смыслопорождения в мифах и идеологиях, Барт раскрывает коммуникативный подход к идеологии с выявления различных уровней семантических полей в знаковых сообщениях. Было сказано: информационное воздействие так или иначе содержится в любом акте коммуникации. Даже совершенно «нейтральные» сообщения, например прогноз погоды, можно идеологически нагрузить. Но некоторые теоретики, скажем, русский литературовед М.Бахтин, идут дальше и действительно считают невозможным отделить информационное воздействие от идеологического. Тому же Ролану Барту принадлежит эпатажное заявление «ничто не содержит в себе столько идеологии, как разговоры о погоде», которое может быть понято лишь в свете различия прямого стандартного значения знака (денотата), которым обладает каждое наше слово и высказывание от приобретаемых в коммуникативных практиках вторичных смыслах – «коннотациях». На уровне подразумеваемого и коннотационных смыслов, прикрытых разговорами о погоде, создаются новые семантические пространства (поля), в которых можно выражать сколько угодно идеологии. Любое слово или высказывание помимо прямого значения (жесткой десигнации) создает и открывает в режиме реальной коммуникации неопределенное множество «плавающих» коннотаций. «Область, общая для коннотативных означаемых, – пишет Барт, – есть область *идеологии*, и эта область всегда едина для определенного общества на определенном этапе его исторического развития, независимо от того, к каким коннотативным означающим оно прибегает» [10, с. 316].

С семиологической точки зрения, идеология как таковая воплощается с помощью интенциональных намерений, реализуемых через коннотативные означающие, которые Барт называет *коннотаторами*, а совокупность коннотаторов – *риторикой, наукой об убеждающей коммуникации*. Идеология, которая никого ни в чем не убеждает и не претендует на это, теряет свой смысл и предназначение. Организацией и технологиями распространения идеологических озна-

чаемых занимается пропаганда, согласно классической коммуникативной модели пропаганды Г.Лассуэла (кто говорит, кому, что, какими средствами и как).

Процесс взаимных переходов семантических полей с уровнем буквальной коммуникации на коннотационный прекрасно иллюстрирует старый еврейский анекдот. Абраам размышляет: «Если я скажу Мойше, что я еду в Киев или в Москву, то он все равно подумает, что я обманываю и еду в Одессу, давай как я ему прямо скажу, куда я еду, пусть думает, что я еду в другой город». Ответ Мойшы оказался для Абрама убийственным: «Почему врешь, что едешь в Одессу, ты ведь на самом деле едешь в Одессу». В этом анекдоте по ходу дела иронически моделируется и идеологическая практика коммуникации тоталитарного периода, когда сказать правду – значит нарушить имплицитно принятый и строго охраняемый господствующей идеологией код обмана. Качество интеллекта определяется умением перекодировки смыслов с буквального (знакового) на коннотативный уровень (символического): чем наивнее сознание, тем труднее преодолевается дистанция между буквальным и коннотационным. Сознание не в состоянии различить денотативное значение высказывания от семантики коннотационных смыслов, если в первичной естественной установке коммуникативного взаимодействия не осуществляет перекодировку значений и позиционные взаимопереходы с языка-объекта на метаязык. Особенно трудно буквалистскому сознанию дается понимание символизма произведений искусства: какие только упреки и нарекания не выдержал Джойс по поводу «Улисса», признанного лучшим романом XX столетия, с его бесконечными коннотациями и демонстрацией естественной ассоциативной акаузальности «потока сознания».

Сфера идеологии – это сфера управляемого информационного воздействия при строгом соблюдении принципа доступности. Идеология имеет дело не с элитарным, а с массовым сознанием, логика управления которым подчиняется другим законам, когда коннотационные смыслы тщательно маскируются, и происходит «обратная возгонка» от скрытого подразумеваемого к общедоступному, буквалистскому и всеми понятному.

Задача критики и разоблачения идеологии предполагает, по Жижеку, две взаимосвязанные процедуры: «во-первых, *дискурсивная* процедура, «симптоматическое чтение» идеологического текста, осуществляющее «деконструкцию» наивного восприятия его смысла; то есть процедура, демонстрирующая, что данное идеологическое поле является результатом монтажа гетерогенных плавающих означающих, результатом их тотализации посредством введения, интервенции определенных «узловых точек»; во-вторых, такая процедура, целью которой является выведение на свет *наслаждения*, артикуляция того способа, каким (одновременно и извне и внутри поля значения) идеология включает в

себя, использует, производит пред-идеологическое наслаждение, наслаждение, которое структурируется фантазмом» [5, с. 130].

С первой процедурой деконструкции идеологического смысла Жижека можно полностью согласиться, вторая представляется спорной и искусственной, подчиняющей логику идеологического дискурса однонаправленной психоаналитической традиции Фрейда – Лакана. Хотя в некоторых случаях подобное выявления бессознательного принципа наслаждения и возможно обнаружить, но по большому гамбургскому счету оно существенно ограничивает многовекторные возможности разоблачения идеологических фантазмов. Чтобы показать это, рассмотрим первый уровень симптоматической «деконструкции смысла», путем выявления скрытого «отсутствующего присутствия» идеологии в одном известном высказывании экс-президента страны, произнесенного в публичном пространстве: «Серго, будешь жить плохо». Здесь буквальный смысл – согласно методологии выявления коннотационных обмолвок Фрейда – Лакана – Барта – Жижека сам становится знаком другого «плавающего означающего», а адресатом – не конкретное лицо, а обобщенный Другой – армянский народ. Сам конкретный Серго сдал депутатом, потом министром и зажил припеваючи, но поскольку механизм коннотации уже заработал (ведь жить плохо будет не только Серго), то конкретный Серго превратился в обобщенного Другого, и армянский народ получил готовую идеологию «пессимизма и безнадежности» вместе с прямым сигналом к сбору чемоданов (т.е. агитацию в духе старого анекдота: кто о чем бы ни говорил, уезжать – правильно. Тем более, что коннотационный сигнал идет не от постороннего, а от самого авторитетного источника). В коннотационных пространствах смыслового воздействия на коллективное бессознательное подобные «плавающие означаемые», независимо от степени осознания самим говорящим и слушающими описываются в современных теориях идеологии как мемо-вирусы. Они в большей степени способствуют массовой миграции населения, чем судьбоносное для нации карабахское испытание, поскольку подрывают в коллективном бессознательном народа дух и крылья надежды.

Первый симптоматический уровень «деконструкции смысла» позволяет разоблачить скрытую идеологию и наглядно продемонстрировать, как отрицание идеологии приводит к еще худшей идеологии. Но на этом, согласно методологии Жижека, работа идеологического Шерлока Холмса в сфере «глубинной семантики» не заканчивается.

Продолжим анализ. Высказывание «Серго, будешь жить плохо» – гораздо честнее, чем возможное притворство или оптимистическое идеологическое лукавство, обман, как в случае с коммунистическими идеологами, которые в любом случае обязаны были сказать: «Серго, будешь жить хорошо». В коммунистической

идеологии, согласно остроумному замечанию В. Руднева, «право быть счастливым превращалось в обязанность», поэтому живущий при социализме Серго просто не мог жить плохо и быть несчастным [9]. В нашем же случае автор не врет, не лукавит, не прибегает к ложному оптимизму, но остается до конца честным как по отношению к адресату, так и к самому себе. Здесь анализ переходит на второй уровень – от исчисления смыслов «глубинной семантики» к исчислению намерений говорящего, от коннотационной семантики к интенциональной, где якобы скрывается психоаналитический принцип «мизантропического наслаждения от сообщаемой горькой правды и скрывающийся за ней идеологический фантазм». Этот однонаправленный психоаналитический вектор Жижека – Лакана – Фрейда, на мой взгляд, уводит от других возможностей, связанных с тем же различием «поверхностной» и «глубинной» грамматики (Витгенштейн) или герменевтической теории Поля Рикера, которых хорошо осведомленный Жижек почему-то в упор не замечает [10].

Главная задача философской герменевтики, как ее сформулировал еще Дильтей, – понять автора лучше, чем он понимает самого себя. Конечно, откровенная честность в нашем примере во всех случаях порядочнее идеологического лукавства, но вопрос не так уж прост, как кажется с первого взгляда. Например, посторонний может допустить «честную» бестактность и сказать знакомому футболисту, что матч с трудным противником все равно будет проигран. Но каков тренер, который в раздевалке перед матчем говорит своей команде: «Ребята, все равно проиграете» (что в интенциональной семантике эквивалентно «Серго, будешь жить плохо»)? Задача тренера не сообщать «горькую правду» своей команде о ее слабости, а готовить и настраивать на борьбу с любым соперником, тем более что «правда» в подобных случаях всегда относительна. Иначе зачем такой тренер? Зачем Серго руководитель, который честно и публично объявляет, что не может обеспечить ему хорошую жизнь, демонстрируя тем самым собственное идеологическое бессознательное, оказавшееся в семантической зоне гравитации между и пессимизмом и фатализмом? Вскрытие идеологического бессознательного здесь можно продолжить в направлении, которые подсказывают Гегель в «Феноменологии Духа» или Гарегин Нжде в «Письмах к армянской интеллигенции», считающих причинами такой идеологии «страх перед смертью» или «усталость от борьбы», в результате которых раб неизбежно проигрывает господину, а народы теряют свободу. Однако читателю и так уже должно быть ясным, как всего в четырех словах одного «невинного» высказывания содержится не меньше «скрытой» идеологии, чем в пространственных идеологических гранд-повествованиях типа «Манифеста коммунистической партии», где идеология выражается явно.

Сторонники жесткого реализма и «горькой правды», пессимистические идеологи *Real politik* испытывают большие затруднения, когда им предлагается объяснить встречающиеся случаи победы слабых и незаметных команд над самим мадридским «Реалом», где все сплошные мировые звезды. Им кажется нереальной и неестественной битва при Фермопилах, когда маленький отряд из 300 спартанцев сумел на необходимое время задержать многотысячное войско Ксеркса, ценой презрения к смерти и потрясающего искусства ведения боя. Они до конца не понимают, почему в страшной истории 1915 года и в литературном шедевре Франца Верфеля выиграли те мусалерцы, которые поднялись на гору и выдержали неравный бой с регулярной турецкой армией, и проиграли покорно исполнившие приказ о депортации. Здесь читатели могут вспомнить наших героев, покоящихся в Ераблуре, и умножить примеры, поэтому в качестве обобщающего образа «контридеологии» пессимизму и фатализму приведу удивительную притчу армянского философа 13 века Григора Магистроса о маленьком воробье, который выставил свои маленькие ножки навстречу ожидаемому падению небосвода. Кругом паника, все бегут куда попало, а маленький воробей улегся посреди дороги и вопреки здравому смыслу поднял навстречу небу свои коротенькие ножки. – Как ты сможешь, жалкое существо, выдержать падение небосвода? – смеялись и издевались окружающие. – Сколько смогу, столько и выдержу, ответил храбрый воробей¹. Идеология притчи не в подчеркнута слабых физических возможностях воробья, а в том, что надлежащий дух у него на месте. «Там, где присутствует дух, ... – говорит Гарегин Нжде, – там практически теряют свое значение численное превосходство, камень, металл. ... Непобедим народ, который руководствуется духом» [11, с. 7]. И уже почти совсем в стиле Заратустры Ницше: «Не смешно ли быть овцой и жаловаться на волка? Стань овцой – и волк придет».

Помимо разоблачающей идеологию процедуры «деконструкции смысла» Жижека – Барта – Лакана есть и обратная процедура «реконструкции смысла», которая не менее увлекательна, чем детективный метод обнаружения скрывающегося идеологического бессознательного, открытый Жижеком. В этих случаях можно обнаруживать идеологические универсалии за самыми различными сюжетами, не имеющими на поверхности ничего общего. Григор Магистрос, Гарегин Нжде и Леонид – предводитель спартанцев в битве при Фермопиллах, несмотря на огромные расхождения во времени находятся в одной и то же идеологической парадигме. Когда Леониду лазутчик рассказывал о многотысячной

¹ Притча Григора Магистроса о храбре воробье была рассказана писателем Давидом Мурадяном и театральным «метром» Сосом Сарксяном во время встречи с деятелями российской культуры на «Круглом столе» (Ереван. 14.08.10г.). Выражаю им свою благодарность за эту неожиданную и прекрасную подсказку.

армии Ксеркса, то для сравнения применил устрашающий образ: их так много и они так хорошо вооружены, что если только выпустят свои стрелы, то само солнце почернеет и день превратится в ночь. «В этом случае мы применим тактику ночного боя», – невозмутимо ответил Леонид. Коннотационная эквивалентность в семантике «реконструкции смысла» с воробьем Григора Магистроса очевидна: «сколько смогу, столько и выдержу», при абсолютном исключении других альтернатив, потому что «другого не дано».

В кризисные периоды у многих народов возникает пограничная ситуация кристаллизации идеологических позиций, когда вместо размазанного политического комплементаризма (и вашим, и нашим) наступает время жесткого выбора между идеологией безнадежности, пессимизма, «выключения рубильников» и сбора чемоданов «премудрых пескарей» или идеологией сопротивления, стойкости, мобилизационного духа и решительной борьбы фаустовского человека. Подлинная свобода и достойная жизнь – всегда трудный выбор. Это не тот выбор с безопасной дистанции, когда мы выбираем между японским и немецким телевизором или клубничным и шоколадным мороженым в кафе. Настоящий выбор возникает в пограничных зонах между жизнью и смертью, свободой и рабством, в ситуациях, когда «другого не дано», как показывает идеология воробья Григора Магистроса, спартанского Леонида или Гарегина Нжде. В современной армянской идеосфере обе позиции четко не выявлены, но постепенно кристаллизуются, в зависимости от приближения или удаления экзистенциально предельных «пограничных ситуаций» – усиления или ослабления реальности возникающих военно-политических угроз жизни и безопасности армянского общества. Идеологию фаустовского человека (в армянском эквиваленте – «рыцарей Вардана») последовательно представляет еще не полностью понятый Гарегин Нжде – за его высказываниями глубоко проработанные идеи Гете, Гегеля, Ницше, Карла Шмидта, и других серьезных мыслителей, которые можно обнаружить в его высказываниях. Однако все эти идеи не просто проработаны «головным сознанием» хорошо образованного человека, но и выстраданы героической историей собственной судьбы, достигая квинтэссенции в *motto* его идеологии: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день готов за них на смертный бой» (Гете, «Фауст»). Здесь мы видим, как идеология в судьбе Нжде трансформируется в образ жизни, в биографию и, тем самым, преодолевается как «просто» знание, оторванное от действия.

Август, 2010г.

Источники и литература

1. *Bell D.*, The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. – N.Y.: Free Press, 1965.
2. *Bell D.*, The cultural contradictions of capitalism. – N.Y.: Basic Books, 1976.
3. *Ортега-и-Гассет Х.*, Человек и люди, http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gas_chel/04.php
4. *Мангейм К.*, Идеология и утопия, [w.krotovhttp://ww.info/libr_min/m/merkury/manheim0.html](http://www.krotovhttp://ww.info/libr_min/m/merkury/manheim0.html)
5. *Жижек С.*, Возвышенный Объект Идеологии. – Издательство «ХЖ» М., 1999.
6. *Жижек С.*, «Аватар»: стратегии политкорректной идеологии. Русский журнал <http://www.russ.ru/Mirovaaya-rovestka/Avatar-strategii-politkorrektnoj-ideologii>.
7. *Григорян Г.*, О средствах коммуникации и судьбах человечества в поп-философии Маршалла Маклюэна // Вопросы философии. М. 1972, N 10.
8. *Барт Р.*, Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994.
9. *Руднев В.*, Почтовая открытка от Пушкина Жижеку и au delá, http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_08/1999_8_14.htm
10. *Рикёр П.*, Герменевтика. Этика. Политика. – М.: КАМІ, 1995.
11. *Нжде Г.*, Открытые письма армянской интеллигенции, <http://nzhdeh.narod.ru/Inteligents.html>

MYSTERIOUS NONREMOVABILITY OF IDEOLOGY

Henrikh Grigoryan

Resume

In the article attempt of critical overcoming the negativistic theories of ideology is made. The conceptual approach allows considering ideology as an organic part of a symbolical order of the society. The substantiation of the given approach is carried out through the analysis of ontological argument, concept of “ideological unconsciousness”, “sociology of knowledge”, the communication theory, connotative semantics of speech acts and hermeneutic theory of interpretation.